

НЕФОРМАЛЬНЫЕ И ТЕНЕВЫЕ АСПЕКТЫ СТАРОРУССКОГО КАПИТАЛИЗМА¹

ИСАКОВ ЛЕВ АЛЕКСЕЕВИЧ,

независимый исследователь,
e-mail: levisakov.post@narod.ru

Старообрядческое предпринимательство рассматривается как хозяйственная деятельность, которая носила подчиненный характер по отношению к образу жизни староверов. В условиях недоброжелательного отношения официальных властей экономическая деятельность старообрядцев была обречена на активное использование неформальных институтов. Подчиненность старообрядческого предпринимательства этическим принципам обусловила его высокую конкурентоспособность по отношению к более прозападным формам организации бизнеса.

Ключевые слова: старообрядческое предпринимательство; хозяйственная этика; теневая экономика; социально-экономическая история.

Old Believers entrepreneurship is seen as an economic activity, which had the subordinate to the lifestyle of the Old Believers. In the hostile attitude of the authorities Believers economic activity was bound to the active use of informal institutions. The subordination of the Old Believer to ethical business relations have made it highly competitive with more pro-Western forms of business organization.

Keywords: Old Believers entrepreneurship; business ethics; the shadow economy; social-economic history.

Коды классификатора JEL: B52, L26, M21.

В России экономический процесс всегда следовал за политическим, а не предшествовал ему, всегда возникал из исходного политического условия — хотя бы утверждения безопасности территории (что, например, возвысило небогатую Москву над экономически предпочтительной Тверью). Он всегда имел подчиненное, не определяющее, не главное место в размышлениях власти; он всегда был только средством к иному, более высокому, если дело не сводилось к простейшему «кормлению» проскочившего временщика. И эту свою «подчиненность», «вторичность» к чему-то более важному с разной степенью отчетливости осознавали коренные, «почвенные» великорусские капиталисты — В. Кокорин, И. Сытин, А. Сибиряков, Н. Мешков, В. Любичев и др.

Субконтинентальная государственность, возникавшая как глобальное условие выживания обществ Евразии, никогда не сводилась только к своей экономической составляющей, никогда не была вполне «феодалной», «капиталистической», всегда была «над» и «свыше» своего декларативно заявляемого базиса. Ни один социально-экономический уклад никогда не владел вполне ни Евразией, ни Великороссией. Русский феодализм захлебнулся и утонул в Волге; русский капитализм повис и раскололся на Урале. Страна, объявляемая «крепостнической», не смогла закрепить более половины населения даже в единственно европейской своей четверти. Когда В.И. Ленин в 1918 г. подводил своего рода итоги инвентаризации принятого, то установил пятиукладный характер великорусской экономики. Даже национальный капиталистический рынок, по его наблюдениям начинавший складываться «приблизительно в 17 веке», так и не сложился окончательно. Исследования И. Ковальченко уже в середине 1970-х гг. неопровержимо свидетельствовали, что и в конце XIX в. в Российской империи наличествовало 6 центров регионального ценообразования, т. е. 6 неслившихся рынков, и только

¹ Данная статья первоначально публиковалась в издании: Экономика преступлений и наказаний. Вып. 9–10. «Экономика и право» для регионалистики. «Экономика и право» для экономической истории / Под ред. Ю.В. Латога. М.: РГГУ, 2006.

гигантское государственное железнодорожное строительство 1890–1900 гг. привело к оформлению единого хлебного рынка страны, как первого элемента возникавшей экономической связности.

В то же время в XVII в. в великорусской хозяйственной жизни действительно возникают новые явления, демонстрирующие в совокупности и начинающуюся трансформацию хозяйственных отношений в стране, и качественно новый интерес «государственных верхов» к этой области. *Последнее* породило инициированный государством перенос европейских форм организации труда и капитала (приглашение Виниуса, Марселиса, Бутенанта), вотчинное предпринимательство русской аристократии вплоть до царской семьи (Алексей Михайлович, Б. Морозов, И. Милославский и др.) и ее соучастие в операциях «гостей» (оптовиков: Н. Поганкина, В. Шорина, Н. Чистова и др.), итогом чего стал отработанный к концу века механизм использования подневольного труда в технически развитом мануфактурном производстве. *Первое* же породило феномен низового, стихийного, естественного предкапиталистического и капиталистического предпринимательства зажиточного крестьянского двора и разносословной староверческой среды.

Стихийно капитализирующийся крестьянин в общем дал мало для преобразования экономической основы социума. Выбиваясь в люди, он «дрейфовал» от своего занятия в сословный верх, становясь феодальным эксплуататором ресурсов страны, в конечном итоге сводимых к крестьянству и крестьянскому двору, не создавая социально иного субъекта.

Староверчество же оказалось в совершенно отличной ситуации, подвергаясь бытовому, хозяйственному, социальному и вероисповедальному остракизму, не пропускаемое в верхи, а изгоняемое оттуда (как знаменитые Соковнины, Мышецкие, Хованские). Тем более захлопывались двери перед «подлорожденными» выскочками. В этих условиях старообрядчество, аккумулировавшее в себе в значительной мере энергичную, наиболее образованную и даже даровитую часть старорусского общества, выталкиваемое из покойно-рутинных занятий феодально-консервативного общества, вынужденно обращалось к непредсказуемым областям деловых инициатив, уходило на «земли неведомые» и заколачивалось там накрепко, никуда более не пускаемое.

Идеология русского старовера-предпринимателя не формировалась в области и практике хозяйственного оборота (как в случае английского джентри или голландского менгера). Она была внесена в него потоком вошедших новых людей, для которых их экономическая деятельность была не смыслом, а только способом жизни, цель и святость которой пребывали за ее рамками.

Деловая этика, система ценностных ориентаций этой среды возникали в сопоставлении с идеалом, лежащим вне ее практики. В этих условиях сам деловой обычай должен был трансформироваться в умозрение нового лица, а отнюдь не формировать его.

Можно вспомнить, например, князей — братьев Мышецких: поставленные перед выбором «двоперстие или порода», они выбрали веру, потеряв титул. Полагать, что ставшие «гостями-Денисовыми», создателями знаменитой в старообрядческой идеологии и культуре Выгской обители, они пошатнутся в случае выбора «выгода или благочестие» — значит ничего в них не понимать. Купец-старовер так же истово нес свой крест праведной жизни, как и солловецкие, и пустозерские страстотерпцы старообрядчества. В противном случае он просто не держался, ведь уйти в легитимно покойное наживание денег было предельно легко — лишь приложи третий палец к двум в присутствии православного батюшки.

Оценка через Веру определяла ценностные ориентации в практически-предпринимательской деятельности, область приложения к исторически наличным формам капитала — ростовщическому, торговому и производственному.

Дословно следуя букве Писания, староверы безусловно отвергали финансово-денежные операции на получение «лихвы» (Христос прогнал меня из храма!) и вплоть до 1917 г. подчеркивали избегали банковско-кредитной сферы, оценивая ее как паразитически-безнравственную. Скопческие общины, довольно широко использовавшие кредитование сочувствующим, никогда не начисляли на него процент (скопчество в целом развилось и оформилось в рамках широкого старообрядческого раскольничества XVIII в.).

Торговля в общем признавалась настолько, насколько она представляла собой реальный продуктообмен, а не средство наживы на ножницах цены и стоимости. Безгрешной признавалась торговля собственно произведенным, на которой расцвела знаменитая Выгская пустынь и Керженские скиты. Была заметна большая подозрительность к новым товарам, пока не озна-

чалось их согласие с «благочестием». Вино, табак, кофе и первоначально чай из торгового ассортимента решительно отвергались; к сахару было неопределенное недоброжелательство. В общем, к торговле наблюдалась постоянная настороженность и ряд изделий считались принципиально «неторговыми» вследствие своей «святости»: например иконы, бывшие до того в широком торговом обороте весь XVI в.; также и богослужбная литература, особенно старопечатная дониконовская.

Здесь налицо огромное поле исследований, в значительной мере уже начатых, особенно в провинциальных университетах Поволжья, Урала, Сибири, но, увы, преимущественно на уровне мелкотемья и зачастую политической конъюнктуры. Скажем, только полным незнанием мироощущения старообрядцев можно оценить утверждение В.В. Титлянова²¹ о соучастии последних в фальшивомонетничестве XVIII в. Тут, надо сказать, он перещеголял всех противников староверия: обвиняя их во всех смертных грехах за три с половиной столетия, тем не менее никто их не уличал в «изготовлении фальшивых денег из идеологических соображений».

Существенно другое: вопреки тому, что правительственные гонения прямо обращали старообрядцев к высокооборотным областям ростовщичества и торговли, быстро сворачиваемым и переносимым от ударов на новые места (и к которым в тех же обстоятельствах обратилась еврейская диаспора), русские староверы выразительно дистанцировались от них, следуя не рассудочному, а этическому мотиву. Уже по этой причине они не могут быть сведены к ответвлению западноевропейского буржуазного протестантизма, как то усматривает О.Л. Шахназаров, приписывая им 250-летний заговор против Романовых и даже создание СССР (*Шахназаров* 2005, 58–76).

Только производственный капитал признавался и поощрялся, но опять же в особом, не техническом или преобразовательном смысле, а как библейское средство если не обретения, то очищения к «святости». Библистика сознания обращала староверов к самым очевидным, насущным или давно утвердившимся формам труда, деятельности и знания.

В условиях гонений любое занятие, в том числе и сугубо житейское, становилось полулегальным, как обеспечивающее существование *иного* по отношению к власти социума, подготавливаемое и подвергаемое набегам.

Когда втершийся в доверие доносчик мог разрушить любое производственное начинание, в него вовлекают только надежных и своих, т.е. тех же единоверцев-единомышленников, что сразу обращает «дело» в некое конфессионально-этическое продолжение общины.

Те же гонения, когда нападение властей разом выбрасывало всех — и хозяина, и работников — в одну общую Сибирь, объективно, материальным образом делало всех соучастниками трудового процесса. Когда происком одного может уничтожиться все, он объективно контролирует судьбу целого: в староверческом «деле» рабочий выходил из зоны капиталистического отчуждения работника от результатов его труда. Его роль могла быть различной, даже «мизинной» в одном исключительном потенциально негативном смысле, но она уже не могла игнорироваться: все участники старообрядческого «дела» в разной степени ответственности оказывались связаны круговой порукой. Возникла производственная структура, наиболее напоминавшая семью, где есть «братья и сестры», «старшие и младшие», «отцы и дети», «смышленные и несмышленьиши», но у каждого свое законное место за столом и свой голос в общем хоре.

Типологическое различие старорусского и западного капитализма особо резко проявлялось в эпохи кризисов, которые с 1830-х гг. с периодичностью в 10 лет начинают встряхивать весь мир от Лондона до Веспегонска. «Западник», столкнувшись с кризисом сбыта, свертывал производство вплоть до ликвидации и естественно-логично локаутировал персонал, ярко демонстрируя отчуждение «общества» от человека. Старорусский же делец, сокращая или даже останавливая производство, держал персонал до конца: распродал фонды, имущество, влезал в долги, становился на грань (а то и переступал!) разорения, но продолжал выплачивать зарплату (да какая же это «заработная плата» без труда?) до последнего рубля в кассе³. Одним словом, вел себя совершенно сумасшедшим, с точки зрения западного человека, образом.

Когда дело доходило до последнего рубля, разыгрывалась примерно такая сцена.

Предприниматель собирал персонал, снявши шапку кланялся работникам и обращался со следующими словами:

— Ну вот, детушки, был я вам отцом-заступником, старался как лучше — не взыщите, коли не удалось. А пришел нам крайний срок — вот последний рубль с кассы. Хотите — разде-

² См.: Старообрядческий мир Волго-Камья. Пермь: Книга. 2001. 161.

³ См.: Ушедшая Москва. М.: Московский рабочий. 1964. 126.

лите, хотите — в кабаке пропейте, хотите — убогим отдайте... Осталось только место продать, деньги разделить и разойтись с миром — как скажете, так и будет...

В этот момент его персонал тоже начинал демонстрировать неразумное, не западное поведение. Собравшись кружком, недолго совещались, потом выходил авторитетный пожилой рабочий и объявлял решение:

— Ну вот, Мокей Петрович, был ты нам вместо отца родного, охулки не спускал, в обиду не давал — были мы тебе честные работнички; коли где не сподобилось, прости... Был ты к нам во все времена добр — будем мы тебе в худые верными. Рубль отдай убогим; денег не плати, дела не ломай — а мы при тебе остаемся работниками.

После этого производство прекращалось, люди перебивались каждый как мог, но не разбредались и связи не теряли, через церковь узнавая друг о друге, и не реже раза в месяц навещаясь на предприятие. Коли случались какие-то денежные поступления по редким продажам, хозяин созывал работников, сам становился за кассу и раздавал такие дорогие гроши... Без чинов, поровну.

Это не забывалось. Например, в 1917 г. рабочие Санкт-Петербургской лесной биржи поставили для охраны дворца-особняка лесопромышленного короля России В. Любичева красногвардейский караул, многократно останавливавший солдатские и матросские поползновения на конфискацию.

Однако эта практика таила и чисто экономический весьма неожиданный эффект. Когда с течением времени товарные излишки постепенно рассасывались, а через 2–3 года означался экономический подъем, то именно старообрядец-предприниматель, сохранивший полнокровный производственный организм, оказывался в наибольшей степени готовности к захвату стартовых позиций. Чтобы полноценно запустить производство, ему требовалась неделя. Его конкурент-«западник», локаутировавший персонал, а то и подчистую ликвидировавший производство, должен был все это восстанавливать, что в первом случае растягивалось худо-бедно на год, во втором — на два. Все это время рынок пребывал в руках старообрядца, стремительно оброставшего заказами, связями, фондами.

Но и сверх того, кто в условиях благоприятной конъюнктуры на рынке труда мог обратиться к работникам с пожеланием повременить с повышением заработной платы, пока идет фаза обновления основных фондов — старовер, бывший до конца со своим работником, или прозападный Колупаев-Разуваев, безжалостно выбрасывавший его при любой угрозе?

Ответ очевиден, как и следствие. Лишь только внеэкономические «наезды» на старообрядцев стихали, как старорусское предпринимательство начинало вытеснять все остальные формы капитала (европейские, еврейские, армянские, мусульманские) из районов своего присутствия, порождая вопль конкурентов о «старообрядческом социализме» и «крамольном заговоре».

Следует подчеркнуть, что выдающаяся эффективность старорусского промышленного капитала была следствием не рационального, а этически-религиозного выбора его носителей. Глубоко верующие люди, они следовали категорическому нравственному императиву «быть с братьями до конца» — и лишь по итогу с немалым изумлением обнаруживали благодетельное воздаяние. Пытающиеся вывести старообрядческий патернализм из рассудочного соображения на получение «старообрядческой сверхприбыли» (а она несомненно была — в преданности и самоотдаче работников производству, социальном согласии и партнерстве, готовности «перетерпеть» и т.д.) — ставят телегу перед лошастью.

«Полуподпольный» период определил и основные формы организации капитала. Как правило, старорусские заведения были многоотраслевыми «пакетами» (Кокорев 1959, 6). Достигнув уровня «достаточности», они останавливались в пределах малозаметности для власти, предпочитая переход в другие занятия. Так и хочется приписать староверам изобретение «конгломератной» формы организации капитала. Однако есть более естественная аналогия — русский крестьянский двор, занимающийся всем, но никогда не теряющий цельности многосложного организма, комплексно осваивающего ресурсы территории.

Вытесняемые на север и северо-восток в непашенные районы, староверы объективно оказывались вне зоны возможности реализации своего стихийно-крестьянского идеала самодостаточной ранне-христианской общины «где Адам пахал, а Ева пряла» и были вынуждены вступать в продуктообмен по главному базовому товару — хлебу. То есть хлеботорговля, как и создание товарных эквивалентов, была совершенно необходима — при этом осуществляемая исключительно своими руками, ибо вслед за купцом-иноверцем в староверческие скиты явится солдатская команда.

Осуществляемая «через своих» и «для себя» коммерческая деятельность староверов приобрела особый вид:

- ♦ ее целью было обслуживание общины, поэтому отсутствовали внутренние «накрутки» при прохождении по староверческой сети;
- ♦ наибольшая доля торговой наценки оставалась в руках не оптовика-старовера, а у мелкого розничного торговца-православного, окончательно реализующего товар, т. е. прибыль «демократизировалась»;
- ♦ в условиях тотального преследования староверчества при патриархах: Никоне, Иоакиме, Адриане, — инициировавших через разветвленный аппарат РПЦ государственные нападения на его хозяйственную деятельность, староверы вынуждены были выработать эффективные инструменты анонимности и ускорения цикла оборота T_1 – D – T_2 .

Осуществляемая глубоко верующими нравственными людьми старообрядческая торговля не нуждалась в фиктивном документообороте, паразитически охранительном по отношению к реальному потоку товаров и денег. Заключая сделку с единоверцем, старообрядец был уверен в нем как в себе, полагая, что только застенки, пытка и плаха могут разрушить ее исполнение контрагентом. Все соглашения заключались на вере, устно и в памяти, нередко даже без полной информации, на простом доверии к товарищу.

Вот прелестная сценка такого рода из середины 1830-х гг., подсмотренная апологетом хозяйственной практики русского крестьянства дворянином Д.В. Бантыш-Каменским.

Будучи проездом в Торжке, он заглянул в знаменитый трактир Пожарской, присев в зале первого этажа. За соседний столик вскоре поместились три «чуйки», с морозу в громадных шубах — по тому, как человек принес за ними собственную посуду, староверы. Пили чай, благодушевствовали, один мимоходом пожаловался, что вот подвертывается хорошее дельце, да не станет денег... — другой, отдуваясь, спросил:

- А сколь тебе надо?
- Да тысяч тридцати хватило бы.
- В два месяца вернешь?
- Верну в месяц.
- Держи.

С этими словами купчина полез в необъятный карман шубы и вытащил чудовищный ком смерзшихся ассигнаций.

— На рыбе взял; тут чуть поболее будет. Съедемся в Нижнем, вернешь.

Так же не считаясь, одалживающий засунул деньги в карман.

Пораженный и растроганный «народным добросердечием», Бантыш-Каменский подошел, представился и в самых отменных выражениях предложил «чуйкам» свои услуги оформить сделку в официально-безопасном виде через вексель.

Минут сорок ошеломленные купцы не могли понять, что от них надо «их благородию», а поняв, изумленно выкликнули:

— Да как это, долга не вернуть? Нет уж, господин хороший, может так у ваших благородиев и водится, а у нас николи не было!

Бантыш-Каменский почувствовал себя совершенно посрамленным...

Коснемся экономической стороны эпизода. Во сколько раз замедляет движение реальных товаров дублирующее движение фикции документооборота? Оценки различны, но во всех случаях удручают, колеблясь около двух раз. Поэтому во многих отраслях, где задержки товарооборота особо весомы, создают механизмы освобождения от удушающей путы бумаг, или вообще ликвидируют документооборот (как, например, в практике торговли драгоценными камнями на оптовых биржах). Старорусский капитал применял бездокументную форму заключения сделок ко всей массе товаров с XVII в., в 2–3 раза ускоряя торговый цикл и, как следствие, прибыль с оборота.

И опять же, не в обосновании этики, а вследствие этики...

Но производство и особенно торговля настоятельно требовали кредитования, финансовых институтов — в условиях, когда банковский капитал в исторически наличном ростовщическом виде решительно отвергался.

Поэтому старообрядчество создает совершенно необычную, неповторимую систему кредитования и банковских услуг, наличие которой ощущается всеми исследователями старорусского капитализма, но более чем 200-летние поиски не дали никаких результатов — ухватиться совершенно не за что. Дошло до того, что в последние годы стала муссироваться идея подобия воровских «общаков». При таком умонастроении эту систему не находят, и не найдут!

Основой банковского кредитования староверческого предпринимательства являлись аккумулированные средства кладбищенских касс.

Самым упорнейшим образом староверчество добивалось права на собственные конфессиональные кладбища — и тут власти все же снисходили: отказать христианам, пускай еретикам, подобно армянским монофизитам, но этим правом обладающим, в том, что было разрешено иудеям, мусульманам, буддистам, казалось совершенно неприличным.

Получив кладбище — Рогожско-Симоновское в Москве, — община создавала свою организацию с кассой на построение церкви, содержание причта, благоустройство некрополя, благотворительность⁴.

Касса наполнялась добровольными взносами «на помин души» и посмертными вкладами — похороны на старообрядческом кладбище БЫЛИ ВСЕГДА БЕСПЛАТНЫЕ. Средства скапливались непомерные к практике кладбищенского благочиния, чрезмерные к текущей благотворительности — и очень опасные по наклонностям властей.

В этих обстоятельствах кладбищенские кассы начинают трактовать расширительно понятие «милостыни», перемещая средства в деловую область на естественных для «милостыни», но невероятных для заемщика условиях:

- ♦ так как деньги поступали целевым образом «на покой души», и наживаться на них был несомненный грех, а распорядители фондов были прямодушно верующие люди, то плата за кредит принципиально отсутствовала;
- ♦ размеры кредита ограничивались только собравшейся свободной наличностью;
- ♦ «милостыня» невозвратима — срок возврата не определялся (по возможности... — и то неприлично!);
- ♦ документальное оформление отсутствовало, при раздаче милостыни расписок не требуют;
- ♦ в подробности использования кредита не вдавались, полагаясь на благочестие и благоумие «брата».

В то же время при самом начетническом копировании признаков «милостыни» — это была именно система кредита — старообрядец-предприниматель, получая «братные деньги» и в мыслях не допускал не вернуть полученного; распорядители кассы это очень хорошо знали. По успеху операции делец вносил вклад, по возможности больше полученного — и тут у него возникала действительно «серьезная проблема»: как «посмертный вклад» деньги не принимались — жив еще! — за «упокоей души» стояла фиксированная такса на каждую душу!... Ах, как трудно было купцу вернуть деньги, если не подвернутся крупные кладбищенские работы.

А если «неуспех»? А никто и не спрашивал — дана-то «милостыня» без возврата... В этом случае начинал работать баланс среднестатистических успехов-неудач делового оборота, а в отсутствии тотальной злонамеренности «торговля — форма узаконенного мошенничества» он работает на прибыль: идет исторически поступательный, восходящий процесс развития хозяйства, а не свертывания экономики.

В описаниях восхождения знаменитых русских торгово-промышленных династий Прохоровых, Рябушинский, Морозовых, Гучковых, Коноваловых, Кокориных (*Терентьев 1996; Морозов 1996; Иванов 1996; Гавлин 1996; Рууд 1996*) есть одна и та же многозначительная деталь. Родоначалник династии, **православный**, появляется гол как сокол в Москве, проявляет массу изворотливости (но вот Василий Иванович Прохоров и вовсе никакой...). Вдруг ему что-то потрафляет, откуда-то сваливаются или всплывают неафишируемые деньги: В.И. Прохоров вдруг обзаводится пивоварней, а М.Я. Рябушинский — двумя фабриками, прочие — иным и немедленно переходят в **староверчество**. При этом «Михаил Яковлев сын Денисов» даже меняет свою исконную фамилию Денисов на Рябушинский (по монастырской Рябушинской слободе Пафнутьева Боровского монастыря), т.е., по намеку биографа, проходит обряд «старообрядческого перекрещения».

Любопытно, что те же лица при почти полном разорении московского православного купечества вследствие пожара 1812 г. и равного ему безумного тарифа 1816 г., уцелели в первом, и сохранились во втором.

Где и когда существовала более благоприятная система кредитования экономики? Разве что в пещере Аладдина в эпоху джиннов...

И какую же невероятную мощь начинает приобретать сложившийся из таких уникальных частей механизм старорусского капитала. Уже к 1911 г., всего за 5 лет после отмены вероза-

⁴ См.: По Москве. М.: Искусство. 1991 (Репринт 1917 г.). 344.

претительных ограничений, в Московском промышленном районе старорусское предпринимательство стало настолько влиятельным, что его лидер, текстильный король И. Коновалов, становится и авторитетнейшим главой московских промышленников, председателем Московской торговой палаты. В 1916 г. уже 60% акционерных капиталов Москвы было старообрядческими. В этот период начинается знаменательный перелив старорусского капитала в новые отрасли, утвердившиеся как «богоугодные»: машиностроение, транспорт, связь; Н. Мешков патронирует создание в 1916 г. первого на Урале Пермского Университета.

Правительство, покровительствовавшее «западнической» камарилье, само облегчало староверам выбор — не лезть в баснословно прибыльное, но «идеологически сомнительное» военное производство...

Любопытно, что в условиях бури 1917–1918 гг. старорусский капитал не испытал трагедии потери родины. В массе своей его носители остались в СССР: в первом поколении как эксперты правительства в своих отраслях, во втором, переместившись в область науки и культуры, — те же Любищевы, Коноваловы... Не предпринимательство определяло систему их взглядов — их Вера трансформировалась в особые институты деловой практики, делая ее национальной и нравственной. И когда политическая коллизия сделала невозможным капитализм, это только освободило их от внешне-неважного.

ЛИТЕРАТУРА

- Гавлин М.* (1996). Российские Медичи. М.: Терра.
Иванов В. (1996). Рябушинские. М.: Терра.
Кокорев И.Т. (1959). Москва сороковых годов. М.: Московский рабочий. 6.
Морозов С.Т. (1996). Морозовы. М.: Терра.
По Москве. М.: Искусство. 1991 (Репринт 1917 г.). 344.
Рууд Ч. (1996). Иван Сытин. М.: Терра.
Старообрядческий мир Волго-Камья. Пермь: Книга, 2001. 161.
Герентьев П.Н. (1996). Прохоровы. М.: Терра.
Ушедшая Москва. М.: Московский рабочий, 1964. 126.
Шахназаров О.М. (2005). Роль христианства в политической жизни Западной Европы и России // *Вопросы истории.* № 6. 58–76.